

Helena Tichomirowa

Мотив памяти в лирике А. А. Ахматовой

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 359-370

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Helena Tichomirowa

Białoruski Uniwersytet Państwowy
Mińsk, Białoruś

МОТИВ ПАМЯТИ В ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ

Ключевые слова: *словесный мотив, ключевое слово, концепт, валентность, компоненты семантической структуры слова*

Память – естественный код восприятия действительности человеком. Память определена познанием мира, так как воспоминание подразумевает уподобление нового уже известному. Память словесно выражена. В языковой форме фиксируется, как человек или нация постигают память, связанную с понятиями долга, скорби, справедливости, вины и прощения. Словесное выражение памяти свидетельствует о человеке и обществе, поэтому лингвистический анализ концепта памяти приближает нас к пониманию и другого человека, и самих себя.

В русской лингвокультуре идея памяти – одна из ключевых. Единица какого-либо языка считается «ключевой», если она «может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком»¹.

Память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть механизма образования текстов². *Память* в лирике и прозе А.А. Ахматовой мы можем назвать словесным мотивом, поскольку слово *память* и слова с семой ‘держать в памяти’, повторяясь во многих текстах поэта, выполняют функцию ключевой единицы текста. Исследование мотива *памяти* и использования в текстах языковых единиц, связанных с этим понятием, помогает понимать творчество А.А. Ахматовой.

Анализируя взаимоотношения феноменов памяти и языка, О.Г. Ревзина отметила, что индивидуальное своеобразие представления памяти подтверждают тексты выдающихся поэтов³, поэтому концептуализация памяти в идиолекте и национальной языковой картине мира не тождественны.

¹ А.Д. Шмелев, *Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?*, [в]: А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев, *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Сб. ст., Москва 2005, с. 17.

² Ю.М. Лотман, *Память в культурологическом освещении*, [в]: Ю.М. Лотман, *Избранные статьи*, т. 1, Таллинн 1992, с. 200-222.

³ О.Г. Ревзина, *Память и язык*. Критика и семиотика. Вып. 10, Новосибирск 2006, с. 10-24.

Анализ употребления слов со значением «память» в лирике А.А. Ахматовой показывает доминирование в семантическом поле памяти глаголов над именами существительными. В концепте *память* лирических текстов А.А. Ахматовой выделяются ядерная зона, образуемая контекстами слов *память, помнить, вспомнить, забыть*, и окооядерные зоны, состоящие из контекстов однокоренных слов, их антонимов, биноминативных метафор, метафор-олицетворений и метафор-метонимий.

Многие ахматовские высказывания о памяти свойственны не только ее идиолекту, но и русской культуре в целом. На наш взгляд, они представляют собой то, что Б.М. Гаспаров, следуя положениям М.М. Бахтина о речевых жанрах, назвал коммуникативными фрагментами – операционными единицами языковой памяти, мыслимыми в целостности и излучающими поле ассоциаций⁴. Примерами таких коммуникативных фрагментов могут быть строки:

*...кто-то взял на память
Мой белый баумачок...
...мне памятна до боли
Тверская скудная земля⁵.*

Семантические свойства слова можно выявить по его сочетаемости. Валентности глаголов и существительных со значением памяти показывают сходства и различия концептуализации памяти в русской языковой картине мира и картине мира поэта.

Валентности русских имен существительных *память, воспоминанье, прапамять, забвение* исследовали Анна А. Зализняк и Е.С. Кубрякова.

Анна А. Зализняк пишет, что говорящие на русском языке люди представляют *память* как «вместилище» (*сокровищница памяти, извлекать из памяти, рыться в памяти, объем памяти* и т.д.). Исследователь сравнивает память с большим чемоданом или чуланом, в котором хранятся «отпечатки» личного опыта. «Эти отпечатки лежат одни *под* другими: в максимальной доступности находятся те из них, которыми человек пользуется ежедневно. Чуть поглубже, т.е. *заслоненная, покрытая* другими, более новыми отпечатками *бытия* лежит менее тривиальная информация. И уж совсем в глубине, – вещи, которыми мы почти никогда и даже вовсе никогда не пользуемся – т.е. те, о которых мы *забыли*. Другими словами, то, что человек *помнит*, и то, что человек *забыл*, находится в одном и том же вместилище. *Забыл* значит: в данный момент не могу воспользоваться тем, что имею»⁶.

Е.С. Кубрякова выявила, что память в русском языке характеризуется локализацией в мозге, голове, рассудке, сознании, душе, сердце⁷. В сердце, по представ-

⁴ Б.М. Гаспаров, *Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования*, Москва 1996, с. 117, 133.

⁵ Стихотворные тексты приводятся без названий, названия прозаических произведений – в квадратных скобках.

⁶ А.А. Зализняк, *Концептуализация забвения по данным русского языка*, www.ksu.ru/cogsci04/sod.php3 (5.03.2008).

⁷ Е.С. Кубрякова, *Об одном фрагменте концептуального анализа слова память*, [в]: *Логический анализ языка. Культурные концепты*, Москва 1991, с. 86.

лениям носителей русского языка, находятся и чувства. В лирике Анны Андреевны Ахматовой в сердце локализована память, поэтому лирическая героиня признается:

*Затем и в беспмятстве смуты
Я сердце мое берегу,
Что смерти без этой минуты
Представить себе не могу.*

Воспоминание же, по признанию героини, *лежит во мне*. В мемуарной прозе та же локализация памяти: *Все, о чем он пишет в “Шуме времени”, лежало в нем где-то очень глубоко...* [Листки из дневника. Воспоминания об О.Э. Мандельштаме].

В отличие от памяти и воспоминания прапамять (а не *забвение*, как в европейской культуре) – процесс, движение, стремительное течение:

*...вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла.*

Учитывая связь в идиолекте концептов памяти и творчества, творчества и коэстра, огня, можно предположить причину огненного движения памяти: *«Тема музыкально растет, вытекает в “Жемчугах” и расплавляется в “Чужом небе”»* [О Гумилеве].

«Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно. Принято элементарно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память – преодоление времени, преодоление смерти»⁸, однако исследователи русской языковой картины мира не акцентируют внимания на причинах возникновения воспоминания.

Филологи, изучавшие творчество А.А. Ахматовой, единодушны в том, что для нее причина воспоминаний и необходимость помнить – обостренное чувство долга поэта перед ушедшими в иной мир. В европейской культуре традиционно сравнение знания, жизненного опыта с медом, но в лирике Анны Андреевны поскольку

*Мое поколенье
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье
Только память о мертвых поет.*

Лирическая героиня стихотворений вынуждена постоянно обращаться к прошлому, каким бы ужасным оно ни было. Такое отношение к памяти было свойственно А.А. Ахматовой и в жизни. Л.К. Чуковская в *Записках об Анне Ахматовой* вспоминает о 1938-1941 годах: «В те годы Анна Андреевна жила, замороженная застенком,

⁸ Д.С. Лихачев, *Искусство памяти и память искусства*, [в]: Д.С. Лихачев, *Письма о добром и прекрасном*, Москва 1985, с. 160-161.

требующая от себя и других неотступной памяти о нем, презиравшая тех, кто вел себя так, будто его и нет»⁹.

Как свидетельствует Е.С. Кубрякова, в русской лингвокультуре можно говорить не только об объеме, емкости, содержании памяти, но и о способах ее представления: воспоминание, отпечаток, след¹⁰.

Метафора памяти как отпечатка, следа, камня в русской языковой картине мира восходит к античной традиции. А.А. Ахматова почти вслед за Валерием Катуллом признается:

*Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно – веселье и оно – страданье.*

Таким материальным отпечатком может стать любой предмет и даже человек:

*... Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.*

В русской культуре принято давать или брать что-либо на память. Эти ситуации дарения описаны в идиолекте, но в стихотворениях повторяется идея о том, что саму память можно взять с собой, как некий предмет:

*Сюда принесла я блаженную память
Последней неувстречи с тобой –
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой;*

Функция памяти в русской культуре – быть хранилищем знаний о мире, поэтому в идиолекте используются метафора *память – сокровище* и метафора-метонимия *память – сокровищница*:

*... слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей;
... живы навсегда
В сокровищнице памяти народной
Войной испепеленные года.*

Невозможность вспомнить и в идиолекте, и в русской языковой картине мира показывается как целенаправленное изымание части памяти из вместилища, хранящего отрезки пространства и времени:

*... кто его отодвинул,
В чуткие унес города
Или из памяти вынул
Навсегда дорогу туда;
Из памяти твоей я выну этот день...*

⁹ Л.К. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой. Кн. 1. 1938-1941*, Москва 1989, с. 7.

¹⁰ Е.С. Кубрякова, *Об одном фрагменте...*, с. 86.

Словесная память может быть не только доброй: в идиолекте воспоминания – *со-кровища злой памяти*. Поэту довелось жить в страшное время, поэтому появляется жестокая метафора память – книга без песен и чувств:

*Из памяти, как груз отныне лишней,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей – опустевшей – приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозových вестей.*

Е.С. Кубрякова отмечает, что «в русской поэзии слова в цепочке *память – душа – жизнь* связаны между собой так тесно, что сама память персонифицируется, выступает как нечто живое, которое может заговорить», и в доказательство напоминает цикл стихотворений А.А. Ахматовой *Голос памяти*¹¹. Поэтому высказывание *Память о солнце в сердце слабеет* может быть понято по-разному: как сообщение о забывании лирической героиней лета, любви или как о болезни олицетворенной памяти, живущей в сердце женщины.

У одушевленной памяти имеются хоромы (*не надо врываться /да еще в бензиновой жестянке/ в хоромы памяти, что я ничего не увижу и только сотру этим то, что так ясно вижу сейчас* [Дом Шухардиной]) и терема *со страшной дверью*, которые та может открывать *с глубоким поклоном*; также к ней можно приходить, как к знакомому человеку:

*...сущий вздор, что я живу грустя
И что меня воспоминанье точит.
Не часто я у памяти в гостях,
Да и она всегда меня морочит.*

Сущность памяти в русской языковой картине мира – представление о ней как о механизме, работе, орудии. Е.С. Кубрякова выделяет виды памяти: образная, логическая, эпистемическая, вербальная и эпизодическая, событийная, семантическая¹². Наш материал не дает возможности для подобной классификации. А.А. Ахматова определяет память как *строгую, скупую, яростную*. В конструкциях метафоры-олицетворения память наделяется способностью совершать осознанные действия, поэтому можно говорить о «работе» одушевленной памяти: *поет, мучит, морочит*.

А.А. Ахматова использовала как эпиграф ироничные строки А.С. Пушкина: *Я воды Леты пью... // Мне доктором запрещена унылость*. В страшное время, чтобы продолжать жить, героиня А.А. Ахматовой признается:

*Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.*

«Глаголы со значением «память» наследуют валентностные возможности существительного *память*. Для выражения связанных с памятью процессов в русском языке используется приставочное словообразование: от глагола *помнить*,

¹¹ Там же, с. 90.

¹² Там же, с. 86.

называющего процесс «хранение информации», образованы глаголы *запомнить*, *вспомнить*, *припомнить*, разг. *упомнить*, устар. *воспомнить*, прост. *вспомянуть*, *поминать* и стоящий особняком глагол *забыть*»¹³.

Глаголы с семой 'память', использованные А.А. Ахматовой, можно разделить на две большие группы. Одни глаголы называют занятие действием без указания на момент окончания этого действия как его цель: *Где статуи помнят меня молодой, // А я их под невскою помню водой*, другие глаголы называют действия, достигающие предела, финитивные: *Услышишь гром и вспомнишь обо мне*.

Пожалуй, противопоставление значений категории вида дано наиболее явно в следующем контексте, отражающем языковую рефлексию поэта:

*Между "помнить" и "вспомнить", други,
Расстояние, как от Луги
До страны атласных баут.*

В этой метафорической конструкции глаголы в форме инфинитива называют нечто неконкретизированное, но опредмеченное, способное занимать пространство, реальное и воображаемое: от петербургской провинции Луги до мифологизированных Венеции и Петербурга.

В лирике А.А. Ахматовой глаголы со значением 'держать в памяти' в зависимости от категории вида выполняют разные функции. Использование глаголов совершенного вида часто предполагает речевое действие персонажа:

*...вспомнив Бог весть о чем,
Воскликнул: "А я за песни ее,
В которых мы все живем!";
...вечером в печальный час
В молитве помяну;
И, как будто припомнив что-то [...]
Тихим голосом говорю:
"Вы ошиблись: Венеция дождей –
Это рядом ..."*

Употребление глаголов несовершенного вида обычно обусловлено тем, что они указывают на сохранение словесного текста:

*Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою;
Молча сестра на слова дивилась,
Только вздохнула, помнила, верно,
Речи цыганкины у пещеры;
Давно на земле ничего не боюсь,
Прощальные помня слова.*

Глагол *помнить* называет длительное, а глагол *вспоминать* – повторяющееся действие, но они обозначают процессные, то есть доступные восприятию дейст-

¹³ О.Г. Ревзина, *Память и язык...*

вия, предполагающие «синхронную позицию наблюдателя по отношению к описываемой ситуации», а *вспомнить, помянуть, припомнить* – обозначения единичных событий, осложненные значением «потенциальной возможности или невозможности осуществления факта»¹⁴. В прозаических воспоминаниях эта тенденция не прослеживается: *Статью у меня взяли, но я помню одну фразу: “Мы не можем сочувствовать женщине, которая не знала, когда ей умереть...”* [Белая стая]; *Среди заглавий мне почему-то вспомнилось: “Лирика и контрреволюция”* [Примечание № 3 к статье «Ахматова и борьба с ней»].

Значение ‘продолжать помнить’ выражено глаголами совершенного вида: контексты отрицают возможность что-либо забыть.

*Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.*

В контексте тропа метафора-олицетворение в значении слова *сердце* появляются дополнительные семы ‘одушевленность’, ‘способность к ментальному действию’, но значение отрывка осложнено взаимодействием тропов. Слово с предметным значением в контексте приобретает еще и метонимическое значение ‘человек, обладающий этим предметом’.

С помощью формы инфинитива А.А. Ахматова утверждает необходимость памяти:

*Не забыть, как пришел он со мною проститься;
А юность была как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?*

Однородный ряд инфинитивов, организующих текст, заставляет воспринимать способность помнить как нечто само собой разумеющееся, необходимое для жизни, сам «бег времени»:

*...потянут
Меня в несостоящуюся жизнь.
В таком году произошло бы то-то,
А в этом — это: ездить, видеть, думать,
И вспоминать, и в новую любовь
Входить, как в зеркало, с тупым сознанием
Измены и еще вчера не бывшей
Морщинкой...*

Мнемические глаголы редко употребляются в пассивных конструкциях: контексты подчеркивают неконтролируемость человеком процесса памяти, «самостоятельность» запоминания:

*Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье...*

¹⁴ Ю.П. Князев, *Глагол*, [в]: Ю.П. Князев, *Современный русский язык: Учебник для студ. филол. фак. вузов*, Санкт-Петербург 2007, с. 396, 395.

Малочисленны и контексты со страдательными причастиями. Задача таких высказываний – показать ужас забвения, сопоставление забвения и смерти:

*Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь – забытой быть;
Бьет ли тринадцатый час?
Или забыты, забиты, за... кто там
Так научился стучать?*

Говоря о роли глаголов в идиолекте, мы обращаем внимание на их окружение, поскольку «глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение, он в то же время содержит макет будущего предложения»¹⁵.

Позицию субъекта в высказываниях при глаголах с семой 'память' в лирике А.А. Ахматовой могут занимать слова нескольких морфологических групп: личные, относительные и определительные местоимения, конкретные одушевленные и неодушевленные существительные.

В значении неодушевленных существительных появляются дополнительные компоненты, из которых обязательными становятся значения 'одушевленность' и 'способность совершать осмысленное действие подобно человеку'. Такие существительные, как правило, называют отрезки пространства или отрезки времени – в подобных контекстах взаимодействуют тропы метафора-олицетворение и метафора-метонимия:

*И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину...;
И запомнит Крещенский вечер,
Клен в окне, венчальные свечи
И поэмы смертный полет...*

Позиция деятеля открыта (не заполнена) в определенно-личных предложениях и ее не может быть в безличных предложениях, однако среди интересующих нас контекстов, выражающих концептуализацию памяти, таких предложений мало.

Объектами памяти, воспоминаний и забвения могут быть люди, их поступки, действия, конкретные предметы, абстрактные понятия, отрезки пространства и времени – всё, что есть на земле и составляет жизнь человека:

*Я всё запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу...*

Объекты запоминовения или припоминовения важны для лирической героини не сами по себе, а как фрагменты действительности, связывающие ее жизнь с жизнью любимых людей, и как предпосылка творчества:

*Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость –
Затем, что воздух был совсем не наш,*

¹⁵ С.Д. Кацнельсон, *Типология языка и речевое мышление*, Ленинград 1972, с. 83.

*А как подарок Божий – так чудесен,
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.*

В конструкциях с глаголами памяти велика роль сирконстантов. Они убеждают читателя в наличии причин, целей памяти, ее неизбежности и горя или радости для человека:

*Помню плащ и посошок
На свою беду;
Вспоминали мы с отрадой
Царскосельские сады...;
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете – припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.*

Память и воспоминание в идиолекте амбивалентны, а забвение мучительно. Для А.А. Ахматовой «забвение есть измена жизни, ее прерывание и уничтожение»¹⁶. Поэтому лирическая героиня ее стихотворений не может забыть прошлое. Если что-либо или кто-либо оказываются забытыми – они перестают быть, оказываются за гранью бытия:

*Забудут? – Вот чем удивили,
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас...*

Поэтому забвение олицетворяется, становится самостоятельным существом:

*Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыханье веет.
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.*

В качестве деятеля слово *забвение* функционирует при предикате *не смеет коснуться*, то есть в контексте в значении существительного появляются функциональные семантические компоненты ‘способность совершать конкретное физическое действие’, ‘способность контактировать’, ‘способность бояться, остерегаться’. Контекст тропа метафора-олицетворение осложнен взаимодействием с другими метафорами в строфе. В позиции объекта при предикате использовано слово *костер* в двух метафорических значениях одновременно: ‘творчество’ и ‘любовь’.

Анна А. Зализняк объясняет понимание забвения в русской лингвокультуре как покрытие пеленой тумана, которая с течением времени становится все менее прозрачной, и уточняет, что эта метафора забвения восстанавливается из внутренней

¹⁶ Н.Е. Тропкина, *Образный строй русской поэзии 1917-1921 гг.: монография*, Волгоград 1998, с. 15-16.

формы глагола *забыть*. В идиолекте чтение туманом псалма – уничтожение забвения, поскольку упование на милость Божию приобщает лирическую героиню к вечной жизни и продолжению памяти как обету любви и единения живущих с умершим:

*Хорони, хорони меня, ветер! [...]
Закрой эту черную рану
Покровом вечерней тьмы
И веди голубому туману
Надо мною читать псалмы.*

Беспамятность воспринимается А.А. Ахматовой как горе, вызванное страхом жизни: *И тебе порасскажем мы, // Как в беспаятном жили страхе...* Однако и невозможность забыть переживается как горе:

*Опять подошли «незабвенные» даты.
И нет среди них ни одной не проклятой;
И не с кем плакать, и не с кем вспоминать.*

«Культурная память [...] сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло»¹⁷:

*Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошлое тлеет...*

Память в идиолекте метафоризируется как нечто, занимающее пространство и время, и как само пространство. Реализуется метафорический архетип: прошлое позади, будущее впереди человека, поэтому во многих произведениях поэта *оглянуться* означает потребность вспомнить прошлое:

*Во мне еще, как песня или горе,
Последняя зима перед войной.
Белее сводов Смольного собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была. Не знали мы, что скоро
В тоске предельной поглядим назад;
Обо мне и молиться не стоит
И, уйдя, оглянуться назад. [...]
Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.*

В контекстах, образующих словесный мотив памяти, наблюдаем имбрикацию – повторение одинаковых сем в сочетающихся словах. Такой повтор обеспечивает семантическую связность написанных в разные годы стихотворений. Большинство этих сем не выявляются в узуальных значениях употребленных поэтом слов. Эти дополнительные, функциональные (в терминологии Ю.И. Левина) семы, расширяя валентностные возможности лексем, изменяют их значения. Имбрикация актуализиру-

¹⁷ Ю.М. Лотман, *Память...*

ет в сознании читателя переносные значения употребленных в контекстах словесного мотива лексем. Семемы усложняются. Слово употребляется не в одном определенном значении, прямом или переносном, а в двойственном. Значение контекста, входящего в словесный мотив памяти, поэтому можно понимать по-разному. Например, в строках:

*И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий, –*

прилагательное *черная* определяет темноту кладовой памяти и характеризует страх перед необходимостью помнить, и заставляет читателя соотнести эти строки со стихами о *черной ране, черной ревности, черной язве, черной смерти, черной и прочной разлуке*, повторяющихся из книги в книгу *черных воротах, черном вечере, черном ветре*.

Слова *язва* и *рана* входят в ЛСП 'болезнь', единицы которого частотны в контекстах мотива памяти в идиолекте: *беда, боль*. С болью связана и возможность помнить и невозможность сохранить в памяти:

*... слов ее я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.*

Воспоминания необходимы, чтобы жить:

*... легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете – припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.*

Болезнь позволяет лирической героине воспринимать воспоминания как реальную действительность:

*Заболеть бы как следует, в жгучем бреду
Повстречаться со всеми опять,
В полном ветра и солнца приморском саду
По широким аллеям гулять.*

Генитивная метафора *голос памяти* связывает реальные звуки голосов детей и воспоминания о друзьях:

*И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы...*

В идиолекте голос связан со способностью к творчеству, к пониманию мира:

*И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.*

Поэтому голос становится основным признаком человека и продолжает жить, когда человек умирает: *Их голоса я слышу и вспоминаю их, когда читаю поэму вслух, и этот тайный хор стал для меня навсегда оправданием этой вещи* [Поэма без героя].

Благодаря повторяющимся в семемах семам словесный мотив памяти связан с контекстами, в которых говорится о воспоминании, но нет слов с семой 'память':

*Без малейшей надежды заснуть
Вижу я сквозь зеленую муть
И не детство мое, и не море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных нарциссов
В тот какой-то шестнадцатый год...
А застывший навек хоровод
Надмогильных твоих кипарисов.*

Память, как и забывание, показатель нравственных качеств. В «Поэме без героя» память говорит: *Это я – твоя старая совесть...* И. Бродский свидетельствовал, что Анна Андреевна вспоминала «...без малейшего следа жалости к себе...»¹⁸.

В основе понимания памяти в идиолекте – метафора памяти как автономной сущности, которая может восприниматься как одушевленное существо, наделенное способностью сознательно совершать конкретные действия или как нечто неодушевленное, неподвижное или текучее. По А.А. Ахматовой, память, как и жизнь, амбивалентна: она может быть чудесной и жестокой. Без памяти невозможна жизнь и без памяти невообразимо ужасна смерть:

*Только память вы мне оставьте,
Только память в последний миг.*

Summary

The verbal theme of memory in Anna Akhmatova's lyric

Verbal expression of memory shows about man and society, so the linguistic analysis of the motif of memory helps to understand the work of Anna Akhmatova. Conceptualization of memory in the idiolect and in the national language picture of the world are not identical. In the lyrics, as opposed to prose memoir, verbs, perfect and imperfect form, with the meaning 'to keep in mind' perform different functions. The form of the infinitive states the need for memory. The conception of memory in the idiolect is a metaphor ambivalent autonomous entity.

Key words: *the verbal theme, keyword, concept, valency, components of the semantic structure of words*

¹⁸ Страницы сайта поэта Иосифа Бродского (1940-1996) <http://br00.narod.ru/10660171.htm> (12.04.2010).